

мы под комбинированным влиянием Спинозизма, французского скептицизма и английской философии. Кроме того, главы, входящие в первый выпуск, в отличие от последующих, проработаны за малыми исключениями не по первоисточникам.

Второй выпуск посвящен атеистическому материализму французских просветителей и представляет собою самостоятельное развитие этой большой и важной темы. Он составлен преимущественно в форме очерков, трактующих теорию и деятельность отдельных мыслителей и ученых. Автор льстит себя надеждой, что в этой части своего труда он может удовлетворить запросы не только антирелигиозников, но и более широкого круга лиц, вообще интересующихся материалистической философией XVIII-го века. Очерки, посвященные Николаю Фрере—малоизвестному основоположнику французского материализма, Бенуа де Малье—творцу первой в новое время революционной теории, объясняющей атеистически происхождение и развитие жизни на земле, скромному неяркому, поэтому совершенно забытому, но во многих отношениях интересному энциклопедисту—Дюмарсе, другому энциклопедисту—Буланже, давшему, наряду с парадоксальными взглядами на происхождение религий, также и ценную попытку сравнительно-исторического изучения религий, Робинэ, неудачно пытавшемуся совместить материализм с религиозным чувством, и, наконец, глубокому и блестящему Гельвецию, хорошо известному нам благодаря Г. В. Плеханову, как материалист, но неизвестному, как очень ранний атеист,—эти очерки в большей или меньше степени дополняют то, что уже известно рускому читателю об истоках диалектического материализма и сопутствующего ему воинствующего атеизма. Все названные и другие рассмотренные в книге более известные философы-просветители были изучены автором по их подлинным сочинениям в то сравнительно далекое уже время, когда, пережив бурю 1905 года, он обрел тихую гавань в каторжных центрах Шлиссельбурга и Вологды. Тогда они во многом помогли ему преодолеть модное увлечение эмпириокритической философией и содействовали обострению того особенного пристрастия к религии, которое служит лейтмотивом настоящей работы.

И все-таки в главах, посвященных XVIII веку, даны лишь основные и наиболее характерные черты антирелигиозности той эпохи.

Второстепенные и не вполне атеистические черты затронуты мимоходом или, в интересах большей связности рассказа, опущены.

Борьба с религией и атеизм в эпоху французской революции являются темой третьего выпуска. Историческое изложение здесь прерывается очерками, посвященными безбожным философам, как Нэжон, Дюмои, Вольней, Лаланд и Марешаль, и краткими характеристиками наиболее выдающихся атеистов-практиков. Можно было бы, конечно, разделить революционную борьбу с религией от борьбы философской. Такое разделение в методологическом отношении было бы правильным. Но в ходе революции книги тоже отчасти играли роль событий, и деяния философские в то же время носят яркую печать бурно переменчивых лет, в которые они пишутся. Душеприказчик Дидро и Гольбаха—Нэжон всего полнее сказанся в своем «Адресе» Учредительному Собранию и в статьях издававшегося им философского словаря, написанных в первый период революции. Вольней—член Учредительного Собрания, а его замечательная книга «Руины» представляет собой философскую программу революции и написана в 1791 году; в последующем он охладевает к революции и—вольно или невольно—впрягается в колесницу реакции. И Нэжон, и Вольней всего по-

нянее, когда с ними знакомишься под свежим впечатлением рассказа о событиях, которые их вдохновляли. Дюпои, хотя и был членом Конвента, но положительной фигурой в революции не был. Его значение—в теоретической критике религии. А так как в этой критике он является отчасти предшественником Вольнея, то и рассматривается довольно бегло вместе с этим последним. Лаланд и Марешаль помещены в самом конце. Престарелый астроном Лаланд проявил себя безбожным философом своими добавлениями к словарию атеистов Марешаля уже тогда, когда отгремела гроза революции. А антирелигиозные выступления Марешаля растянулись на весь период революции и наиболее яркое выражение нашли в его активном и руководящем участии в «Заговоре Равных» в период реакции.

Этими соображениями оправдывается кажущаяся разбросанность материала третьего выпуска. К сожалению, при изложении антирелигиозных движений революции некоторые намеченные источники остались неиспользованными вследствие недоступности их для автора, а с другой стороны чрезмерно разросшийся объем книги побудил второстепенные моменты затронуть только вскользь.

В дальнейших выпусках «Истории атеизма» найдут место следующие основные темы: немецкое просвещение в его зависимости от французского просвещения и революции; религиозное свободомыслие и борьба с религией в России в XVIII веке и в первой половине XIX века; утопический социализм и религия; научные теории XIX века в связи с религиозной проблемой; критика религии в немецкой философии XIX века; марксизм и религия; атеизм в русском революционном движении.

Для облегчения справок, к последнему выпуску будут приложены подробное оглавление и алфавитный именной указатель для всей работы.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

Необходимость во втором издании вып. I—IV «Истории атеизма» выяснилась еще до окончания всего труда, и самая эта необходимость, по соображениям издательски-организационным, носила характер срочности. Поэтому в новое издание внесены лишь более или менее значительные исправления текста. Вопрос о дополнении и переработке некоторых глав—особенно I и III вып.—приходится с сожалением отложить.

Вторая часть «Истории атеизма»—вып. IV и V—в процессе работы претерпела значительные изменения по сравнению с первоначально намечавшимся планом. Для сокращения изложения пришлось совершенно выпустить тему о влиянии научных теорий XIX века на развитие атеизма, которая затронута в нашем изложении только попутно и весьма бегло. Значение этого пробела лишь отчасти может быть ослаблено ссылкой на то, что, в сущности, творцы научных теорий не преследовали непосредственно антирелигиозных целей, а значение антирелигиозное их теории приобрели лишь потому, что достижениями научного гения воспользовались подлинные атеисты-революционеры в своей борьбе с религией, как одной из важнейших идеологических основ классового угнетения.

Зато, учитывая полное почти отсутствие литературы по истории религиозного свободомыслия и атеизма в России, особенно в периоды, предшествующие оформлению революционного движения, автор уделит этим вопросам гораздо больше внимания, чем предполагалось сначала. Такое расширение плана не могло быть осуществлено в тот сравнительно короткий срок, на который было рассчитано опубликование труда в целом, и не могло уложиться в рамках предположенных пяти выпусков. Поэтому в последнем—V выпуске—изложение доведено до эпохи Маркса—Энгельса на Западе, а в части, относящейся к истории атеизма в России, пришлось остановиться на 40-х годах прошлого века.

Окончание всего труда потребует еще много времени, и по ряду причин момент этого окончания теперь указан быть не может. Отдельные очерки, служащие продолжением нашего труда, будут печататься в журнале «Атеист» или будут выпущены издательством «Атеист» отдельными брошюрами. (В частности, очерк об А. И. Герцене и его отношении к религии уже выпущен).

Кроме того, читатель нашей книги может ознакомиться непосредственно с важнейшими этапами развития атеизма в новейшее время по таким изданиям «Атеиста», как «Мысли Маркса и Энгельса о религии», «Мысли Г. В. Плеханова о религии» и «Мысли В. И. Ленина о религии».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

АТЕИЗМ В ДРЕВНОСТИ.

Культура древнего мира представляет мало черт сходства с нашей культурой. Конечно, классовая борьба существовала и в Греции и в Риме, она приводила там к тем же результатам в развитии общественной жизни, что и в истории нового времени, но эти результаты всегда были незавершенными, они были скорее набросками, чем завершениями. Связь между материальной и духовной культурой намечается в общих и грубых чертах, и высшие формы идеологии отражают преимущественно общее направление и основной характер социального развития, но не дают ясно выраженных черт классовой идеологии. Борьба классов протекает в низах духовной жизни и не поднимается на ее вершины.

Атеизм древности поэтому не носит характера хорошо заостренного и метко направленного оружия освободительного движения. Он не претворяется, даже в самых смягченных своих формах, в массовое действие, а остается далеким от жизни философским учением. Можно даже сказать, и это говорилось, что об атеизме в нашем смысле слова говорить по отношению к тем временам следует лишь с оговорками и ограничениями.

Тем не менее, великие мудрецы Греции представляют для нас большой интерес. Их учения пережили гибель их общества, и когда Европа, изживая средневековые, испытала неодолимую потребность в замене застойных религиозных воззрений способными к развитию новыми взглядами, она нашла их готовыми в могилах классического мира. Благодаря этому не только получилось сбережение духовных сил, но в сокровищнице древне-греческой мысли нашлось много теорий, приобретших в новой обстановке освободительное значение. В ней оказались также все или почти все материалы для построения религиозного свободомыслия и атеизма.

1. Космогонии.—Ионийские философы.—Элеатская школа.

Подобно тому как наша современная наука является в известной мере наследницей классической науки, первые научные теории Греции ведут свое происхождение от несовершенных попыток еще более далекой древности—вавилонской, халдейской и ассирийской. Такими попытками естественного объяснения происхождения мира и явлений были космогонии, фантастические рассказы о начале вещей, в которых от религиозной скорлупы без труда можно было очистить ядро естественного объяснения. часто резко противоречившего объяснению сверхъестественному.

Во всех этих космогониях предполагалось существование первоначальной материи, несотворенной, вечной, из которой произошли первые существа. «Было время, когда все было тьма и вода и из них сами собой

зародились чудовищные животные и самые необыкновенные фигуры: люди с двумя крыльями, а некоторые с четырьмя, с двумя лицами, с двумя головами на одном туловище—одна мужчины, другая женщины и с двумя половыми органами одновременно; люди с ногами и рогами козы или с копытами лошади; другие имели задние оконечности лошади, а передние—человека наподобие гиппоцентавров». Эти чудовищные произведения, неудавшиеся опыты природы, не могли выжить в соприкосновении с воздухом.

Первая материя обладает влажностью, это—плодородный ил хаоса, и из него наряду с первыми существами произошли также боги, т.е. более совершенные существа, но принципиально те же творения слепого и безличного хаоса.

Эти первые любопытные попытки дать объяснение происхождению вещей совершенно исключают всякое представление о творце, провидении, о сверхъестественном. Творец, как и в библейском мифе сотворения мира, появляется уже во вторую очередь, чтобы внести порядок в мир хаоса, существующий независимо от него. В первоначальных натуралистических мифах он служит для обозначения того элемента природы, уловить который непосредственно бедная опытом мысль древности не была в состоянии. Здесь она пользовалась готовой религиозной формой, обожествлявшей солнце, землю, море, огонь и т. д.

Только у греков (эллинов) делаются более серьезные попытки использовать космогонии Азии для устранения религиозных объяснений и придания им более совершенной формы.

В ионийских колониях Греции, на побережье Малой Азии, образуется первый значительный центр греческой культуры. Здесь, благодаря исключительно благоприятному географическому положению греческих поселений, раньше всего развивается торговля с восточными странами и принимает широкий, почти мировой характер. Экономические потребности приводят к общению с восточными государствами, к усвоению значительно развитой у них промышленной техники и знаний, обуславливающих эту технику. Математические, астрономические и географические познания Востока здесь не только прививаются, но и развиваются дальше и передаются затем остальным более отсталым провинциям. Здесь также раньше, чем в других греческих городах, изживается господство феодалов, земельной аристократии, и новые политические формы в немалой мере содействуют стремлениям к свободному от традиций объяснению мира и жизни. Ионийские философы VI века до христианской эры закладывают основы этого нового миропонимания. В большинстве своем они принадлежат к торгово-промышленной группе населения, к буржуазии, движущему классу общества этого периода. И дух предприимчивости, жажда новизны, свойственные этому классу, видны и в их теориях; в то же время эти теории если не антирелигиозны в нашем смысле слова, то во всяком случае представляют собою попытку отстранить религию от руководящей роли в общественной жизни. Ионийская философия служит интересам тех социальных групп, которые борются с феодальным укладом, она проникнута живым стремлением поставить на место фантастических представлений естественное объяснение.

Фалес—первый из этой ионийской школы. Для него первоматерия—это вода. Вода породила все вещи мира без всякого вмешательства какой-либо посторонней причины. Почему именно на воде остановился он? Потому ли, что в космогониях Востока обожествленное море—колыбель жизни,

или потому, что он наблюдал явления природы, в которых влага является необходимым условием зарождения и жизни, а разложение сопровождается превращением твердых на первый взгляд тел в жидкость? Это остается неизвестным, так как он не изложил своих теорий в письменном виде или его сочинения не дошли до нас. Следует полагать, однако, что главным источником этих взглядов были космогонии, так как в то время наблюдение природы еще не отделилось от религии, чтобы стать главным пособием науки.

Эту первичную материю Фалес представляет себе, как обладающую жизнью, душой. Одухотворение материи у него еще приближается к анимистическому пониманию и представляет собою переходную ступень от многобожия его современников к атеизму его последователей. Одушевляя природу, он считал ее «полной богов». Это его выражение, однако, как отмечает историк материализма Ф. А. Ланге ¹⁾, можно толковать как чисто символическое. Сущность этой теории и главное ее значение состоит в том, что, принимая вечность материи и ее одушевленность, Фалес намечает путь для натурализма. Человек и природа для него, как и для его последователей, едино суть. Человек не отрывается искусственно от природы, душа не отделяется от тела, дух от материи и бог от мира.

Теория всеобщей одушевленности—гилозоизм—у Анаксимандра, ближайшего последователя Фалеса, принимает продуманный материалистический и атеистический характер. Его первоматерия уже не какое-нибудь определенное тело, не вода, как у его учителя, не воздух, как у Анаксимена, бывшего продолжателем ионийской школы, или огонь, как у Гераклита, а нечто неопределенное, лежащее в основе всех тел. Эта первооснова всего мироздания, а п е й р о н, как он ее называет, бесконечна, находится в вечном движении, обладает внутренней энергией, принимает различные формы. Влажное начало или вода по отношению к апейрону или вечной первооснове—уже вторичная форма. Из нее затем произошли земля, воздух и огонь. Эти четыре элемента, образующие чувственный мир, играют в научном познании природы в позднейшие века преобладающую роль и теряют свое значение лишь к концу XVIII века.

Здесь, таким образом, устанавливается вечность и несотворенность материи, живой и чувствующей. Для творца не остается места. Все происходит естественным образом. Теплота солнца (огонь) высушила землю, выпешдшую из влажного хаоса, а остатки водной стихии, этого «семена вещей», собрались в океан и сделались солеными и горькими. Первые живые существа зарождаются в море и из них мало-по-малу развиваются животные, вплоть до человека, при чем Анаксимандр в этом развитии отводит главную роль благоприятным условиям существования, т.е. приспособлению. Это было первым выражением идеи трансформизма, превращения одних видов животных в другие. Формы, в которых высказываются эти взгляды, до крайности примитивны, и когда Геккель называет Анаксимандра предвозвестником Калта и Лалласа в учении о происхождении мира, и Ламарка и Дарвина—в биологии, он заходит слишком далеко. Такие сближения представляют вещи в слишком преувеличенном виде. Анаксимандр в лучшем случае был предшественником последних выразителей эволюционизма древности—Эпикура и Лукреция и продолжателей этого эволюционизма в новое время—француз-

¹⁾ «История материализма», пер. Н. Страхова. СПб., 1899, стр. 5.

ских философов XVIII века. Между ним и Дарвином имеется ряд посредствующих звеньев, без которых идея эволюции не могла бы превратиться в эволюционную теорию, как мы понимаем ее теперь.

Те первые животные, от которых произошел человек, по Анаксимандру зародились в воде и первоначально были покрыты колючей скорлупой. Эти животные, достигшие известной величины, оказались способными выходить на высохшую землю; здесь их скорлупа лопнула и они «вскоре изменили свой род жизни», т.е. приспособились к условиям новой среды. В доказательство того, что люди не всегда были такими, как ныне, а развились до нынешнего состояния, Анаксимандр ссылается на то обстоятельство, что человек один только из всех животных не в состоянии долгое время после рождения добывать себе самостоятельно пищу.

Эти натуралистические взгляды у него сильно связаны со своими первоисточниками, с космогониями и, хотя они сознательно исключают религиозное объяснение вещей, религиозной оттенок в них остается и сказывается, например, в том, что Анаксимандр и его ученики, считая рыб прародителями человека, воздерживались от употребления их в пищу. Рыба, между прочим, была священным животным в Сирии.

Элеатская школа продолжает научные теории пифагорейцев. Основателем ее был Ксенофан (576—480 г.г.). Мир для него был единым целым. Он соглашался с Анаксимандром в том, что человек ведет свое происхождение из переходного периода развития земли от жидкого состояния к твердому, и начало жизни видел в самозарождении под влиянием солнечной теплоты. Он первый в истории науки увидел в ископаемых остатках бывшей животной жизни и нашел в этом доказательство того, что некогда море покрывало всю земную поверхность. Человек, по его мнению, не отличается от животного, его душа есть только дуновение.

Религиозные воззрения Ксенофана допускают различные толкования. Он был свободомыслящим человеком и выступал против господствующего религиозного мнения. Многобожию с его смешными сказками он противопоставляет идею единого бога, вечного и непреходящего. Антропоморфизм, т.е. уподобление божества людям, вызывает с его стороны резкие нападки. Так, ему принадлежит следующее изречение: «Если бы быки или львы имели руки и могли этими руками рисовать и вообще создавать ими то, что создают люди, то они изображали бы вид и форму богов по своему подобию». Бог-провидение также не вызывает в нем энтузиазма. «Нет, — восклицает он в одном из своих знаменитых стихов, — не боги все дали смертным в начале, а сам человек с течением времени и своим трудом улучшил свою судьбу». Единый бог Ксенофана не имеет в себе ничего человеческого и, можно сказать, ничего божественного. Это—бог-природа, бог-мир. Это то, что называется пантеизмом и отличается от атеизма лишь терминологией. Эту черту философия Ксенофана прекрасно подметил самый выдающийся из французских материалистов XVIII века Дидро в статье Энциклопедии, посвященной элеатской школе. «Эта система, — говорит он, — недалеко от спинозизма. Душа мира, которую, повидимому, придумал Ксенофан, не имеет ничего общего с тем, что мы понимаем под духом».

Парменид, ученик Ксенофана, устраняет указанный недостаток, и термин бог в его системе уже заменен понятием мира, вселенной.

2. Демокрит.

Самым выдающимся философом этого, так называемого, натуралистического периода греческой философии был Демокрит, родившийся между 480—470 г.г. до христианской эры.

«Демокрит должен быть причислен к величайшим между великими мыслителями древности», — говорит Ф. А. Ланге. И, действительно, охват его знаний, его энциклопедичность и сила проникновения его ума не были превзойдены ни одним из философов древности. История философии, однако, занималась Демокритом очень мало. Его последовательный материализм, отрицающий всякое сверхчувственное и сверхопытное объяснение, отталкивал от него не только богословов всех родов, но и философов господствующих школ. А на всем протяжении нового времени господствовали, как известно, школы идеалистического направления, глубоко и резко враждебные материализму и атеизму. И хотя нельзя было совершенно замолчать значение «отца физики» в развитии новейшей науки, это значение всеми способами умалялось ¹⁾.

Подобно Фалесу, Пифагору и др. философам этого периода, Демокрит из Абдеры вышел из среды богатой и просвещенной буржуазии восточных греческих колоний. Он получил прекрасное образование и говорили даже, что его первыми учителями были персидские маги. Страсть к знанию побудила его после смерти отца, очень богатого купца, употребить свою долю наследства на путешествия. Он сам говорил, что никто из его современников не совершал таких длинных путешествий в самые отдаленные страны. «Я не щадил ничего, чтобы приобретать знания. Я видел всех знаменитых людей моего времени; я объездил все страны, где ожидал встретить истину, расстояние меня не пугало. Я наблюдал различия многих климатов; я собирал данные об явлениях, происходящих в воздухе, в земле и в водах. Утомление странствиями не мешало мне размышлять; я занимался математикой на больших дорогах и в молчаливом уединении моего жилища. Я не думаю, чтобы кто-либо, не исключая и египетских жрецов, превзошел меня ныне в искусстве доказательств с помощью чисел и линий». Очень вероятны рассказы, что он побывал в Эфиопии, в Египте и Персии.

Вернувшись в Грецию после долгих лет, проведенных в странствиях, он поселяется в родном городе и вскоре приобретает славу человека, обладающего даром божественного разума. Сograждане осыпают его почестями, делают его даже правителем. Когда его положение, благодаря проискам врагов, пошатнулось и на основании вновь изданного закона ему, сыну, промотавшему наследство отца, угрожали суд и лишение права на погребение в родном городе, он на площади перед народом в свое оправдание прочитал одно из лучших своих сочинений. Триумф был полный: народ награждал его большой суммой денег и воздвиг в его честь бронзовый памятник.

Повидимому, общественными делами он занимался недолго, а предпочел все свое время отдавать науке и философии.

Его связывает тесная дружба, основанная на общих научных интересах, с великим врачом Гиппократом. Анекдотически начало этой дружбы связывается со следующим фактом. Абдериты, обеспокоенные многими

¹⁾ Прекрасное изложение и оценку учения Демокрита русский читатель найдет в книге Р. Пикеля «Великий материалист древности», изд. «Новая Москва» 1924 года.

странными в образе жизни и поступках Демокрита, пригласили Гипократа в Абдери, чтобы освидетельствовать умственные способности философа. Врач приехал и убедился, что перед ним совершенно здоровый, но незаурядный ум. Пациент превратился в друга, а может быть, в учителя.

О нем вообще сохранился ряд анекдотов. Вот один из них. Ища тишины и одиночества для размышления, Демокрит дни и ночи проводил на кладбище. Какие-то шутники, замаскировавшись, вздумали напугать его привидениями. Но философ не испугался. «Перестаньте, сказал он затейникам: вы не испугаете того, кто твердо знает, что душа, расставшись с телом, уже решительно ничего собою не представляет».

В историю его имя перешло с ярлыком «смеющегося философа». С высоты своей мудрости он не мог без смеха взирать на мелочи людской жизни, на суеверия, на глупость. Улыбка всегда играла на его губах.

За свою долгую жизнь (он прожил 90—100 лет) Демокрит написал множество сочинений, которые до нас дошли, к сожалению, только в отрывках и изложениях. Ему приписываются не только научные труды, но и различные изобретения.

«Надо стремиться не к полноте знания, но к полноте понимания», говорил Демокрит, обладавший сам наивысшей для того времени полнотой знания. Претворяя в жизнь это положение, он создал атомистическую теорию, которая, подвергшись ряду преобразований, обусловленных более совершенными познаниями, составляет основу атомистики новейшего времени.

Он не был творцом теории атомов; отдельные элементы этой теории существовали до него, и в числе его предшественников считается ряд мыслителей, начиная с индийского философа XII века Канады и кончая пифагорейцами. Но его огромная несомненная заслуга в том, что атомы для него единственная основа мира и движения. Кроме них, учил он, никакой иной причины, стоящей над ними или вне их, не существует.

Ничто из ничего не происходит, ничто не уничтожается, все только изменяется,—учил Демокрит, и этим устанавливал основные положения современной физики—неуничтожаемость материи и сохранение энергии. Ничто не происходит случайно, для всего есть какая-нибудь причина и то, что совершается, необходимо,—гласит дальнейшее его положение. Здесь отрицается всякое телеологическое объяснение, т. е. такое, которое во всяком явлении видит заранее намеченную цель. Случая нет, все связано железным законом причинности. Если на голову проходящего человека падает кирпич, то это не случай, а явление, обусловленное рядом бывших раньше причин и действий. И раз нет случая, то необходимо признать, что мир управляется не какой-либо нездепней и посторонней силой, а законами, являющимися выражением естественных отношений между вещами.

Для научного познания был расчищен путь, были решительно устранены все антропоморфические и религиозные объяснения природы. Ибо поскольку хотя в малейшей степени в естественное течение событий приводит элемент божественный, сверхприродный, постольку наука о природе невозможна. Нет никаких чудес. Когда с неба падала молния,—говорит Демокрит,—когда появлялись кометы, когда происходило затмение солнца или луны, то люди минувших дней приходили в ужас, убежденные, что боги были виновниками этих чудес. На самом деле кроме атома и пустоты ничего не существует.